

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 327.7+327(510)+330(51)+330(7/8=134)+330(6)
DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-135-150

ФОРМАТ «БРИКС ПЛЮС»: ИСТОКИ, ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ, РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

К. Г. МУРАТШИНА

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Для цитирования:

Муратшина К. Г. Формат «БРИКС плюс»: истоки, особенности институционализации, региональная специфика // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2019. Том 11, № 1. С. 135–150. DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-135-150.

Введение: объединение БРИКС в настоящее время является одной из значимых многосторонних структур на международной арене. Участие в нем и сотрудничество со странами этого блока стали важным направлением внешней политики Российской Федерации. С течением времени БРИКС эволюционирует, появляются новые форматы сотрудничества и новые тенденции в характере связей между странами и их политике в рамках объединения. Исследование посвящено анализу нового формата, появившегося в рамках БРИКС в 2017 году, – «БРИКС плюс».

Цель: определение истоков, особенностей и задач формата «БРИКС плюс» в его взаимодействии с регионами мира.

Методы: сравнительный анализ, дискурс-анализ дипломатических документов, историко-генетический метод.

Результаты: во-первых, в ходе исследования выявлено, что хотя официально формат «БРИКС плюс» был институционализирован в 2017 году, предпосылки для его появления были заложены еще в 2011 году. Во-вторых, инициатором смещения акцента со связей между странами БРИКС на новый вектор движения вовне стала конкретная страна, участница БРИКС, – Китайская Народная Республика. В-третьих, вектор формата ориентирован на взаимодействие с регионами мира – Центральной Азией, Латинской Америкой, Африкой. В-четвертых, страны БРИКС по-разному интерпретируют этот формат.

Выводы: несмотря на то, что появление новых форм сотрудничества и развитие связей с внешним миром естественно для любой международной структуры, дифференцированный подход к реализации новых возможностей указывает на серьезные расхождения взглядов стран-участниц БРИКС в плане перспектив объединения и приоритетов в его работе, а также в части отстаивания собственных меркантильных интересов при использовании общих возможностей.

Ключевые слова: БРИКС; регионы мира; экономическое сотрудничество; «БРИКС плюс»; Китай; Центральная Азия; Латинская Америка; Африка

ВВЕДЕНИЕ

За последнее десятилетие объединение БРИКС заняло заметное место в международных отношениях. Российскими исследователями БРИКС оценивается как альтернативный полюс мировой политической архитектуры¹, прототип трансрегиональной структуры с высоким потенциалом участия в процессах глобального управления (Колдунова, 2014), институт для консолидированного выражения интересов его стран-участниц на мировой арене (Толорая и Чуков, 2016), мегарегиональный проект, важный для развития российской политики регионализма (Михайленко, 2016). Отмечается, что БРИКС является «альянсом единомышленников, стремящихся реформировать не только мировую финансово-экономическую систему, но и мировой порядок, функционирующий на базе западных ценностей и принципов» (Лагутина, 2017), «позволяет наиболее динамичным экономикам мира рассматривать гораздо более широкий круг вопросов, чем, например, в Совете Безопасности ООН, и находить ответы на многие экономические и экологические вызовы. Решения БРИКС производят умножающий эффект, поскольку участвующие в нем ключевые государства в состоянии транслировать принимаемые в БРИКС решения в ведущие международные учреждения и организации» (Российско-китайский диалог..., 2016, с. 33). При этом эксперты признают, что Россия не имеет в настоящее время лидерства в БРИКС, поскольку наиболее быстрые темпы экономического роста демонстрируют Китай и Индия, однако Россия, «поддерживающая продолжительные и тесные отношения со всеми без исключения участниками объединения», является «источником основных политических инициатив, получающих поддержку среди стран, объединяемых акронимом БРИКС» (Лексютина, 2017). Признается российскими исследователями и факт стремления Китая к гегемонии в БРИКС и использования им этого объединения для распространения своего влияния в мире (Zavyalova, 2017, p. 249).

Бразильские политологи называют объединение образцом сотрудничества по линии Юг-Юг, позволяющим активизировать сотрудничество в области развития экономики, распространение новых моделей взаимодействия, трансформировать механизмы глобальной политической архитектуры (Gomes and Esteves, 2018) и развивать связи во всех сферах, от экономики до образования (Borges, 2018) и прав человека (Martini and Wunsch, 2017). Эксперты из Индии пристально изучают опыт модернизации коллег по БРИКС (Vadra, 2017) и видят в сотрудничестве БРИКС предпосылки для формирования финансовой альтернативы гегемонии доллара в мировой экономической системе и пространства для диверсификации инвестиций (Naresh et al., 2018), что особенно важно в условиях, когда колебания финансового рынка США оказывают влияние на экономики стран «глобального Юга» (Arora and Kalsie, 2018).

Китайские специалисты считают, что БРИКС может изменить мировой порядок либо, как минимум, бросить ему «вызов» и составить конкуренцию

¹ Лихачев К., Ткаченко С. БРИКС: «союз реформаторов» в рамках национальных интересов [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 2015. 25 апр. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/BRIKS-soyuz-reformatorov-v-ramkakh-natsionalnykh-interesov-17544> (дата обращения: 25.11.2017).

западным финансовым институтам (Вань, 2015); признают стремление Пекина к лидерству в БРИКС², а также изучают возможности сотрудничества стран БРИКС в различных сферах, например в области охраны окружающей среды и обмена опытом в этой сфере (Liu et al., 2017; Wang et al., 2018; Gu et al., 2018). Несмотря на все это, однако, БРИКС обозначается в ряду внешнеполитических приоритетов КНР лишь как одна из составляющих, причем не самая важная, с оговоркой, что «Пекин является сторонником разработки новой модели отношений между великими державами» и «будет развивать дружеские связи с США и иными развитыми странами наряду со странами БРИКС, имеющими мировое влияние» (Фэн, 2015, с. 9). Наконец, исследователи из ЮАР уделяют наибольшее внимание перспективам финансового сотрудничества в рамках БРИКС (Bonga-Bonga, 2017) и опыту индустриализации в странах объединения (Adewale, 2017).

Юридически не являясь организацией и представляя из себя лишь консультативный форум, объединение, тем не менее, осуществило некоторые интеграционные инициативы, в частности в 2015 году был создан Новый банк развития БРИКС³. В настоящее время перспективы развития объединения определяются вопросом о его институционализации и возможности расширения повестки дня для включения значимых политических вопросов, в том числе тех, в которых заинтересована российская сторона (Торопчин, 2017). В рамках данного исследования будет проанализировано появление нового формата взаимодействия БРИКС с не входящими в нее странами и регионами – «БРИКС плюс».

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Несмотря на то, что БРИКС не является организацией и не имеет постоянно действующей разветвленной системы институтов (кроме Нового банка развития), тем не менее имеются документальные источники для изучения деятельности этого объединения. Это хотя и не имеющие юридически обязательной силы, но ставшие значимыми для государств-участников итоговые декларации ежегодных саммитов БРИКС. Анализ этих документов помогает проследить задачи, решаемые странами БРИКС в течение периода существования блока. Как правило, черновик итоговой декларации на многосторонних саммитах, особенно при отсутствии постоянного секретариата организации, готовит принимающая сторона, государство, являющееся в настоящее время председателем объединения. По тому, как расставлены акценты в документе, в некоторых случаях можно проследить взгляды председательствующей стороны на работу объединения. Особенно явно это проявляется на примере практически любых дипломатических документов, подго-

² Zheng W. China's Alternative Diplomacy [Электронный ресурс] // The Diplomat. 2015. 30 Jan. URL: <http://thediplomat.com/2015/01/chinas-alternative-diplomacy/> (дата обращения: 24.10.2015).

³ Зайцев Ю. Новый банк развития БРИКС: от частного к общему [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 2015. 3 авг. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-bank-razvitiya-briks-ot-chastnogo-k-obshchemu/> (дата обращения: 21.05.2016).

товленных КНР. Таким образом, критерием сравнения в данном исследовании выступает, с одной стороны, выделение ключевых задач во взаимодействии с внешним миром в декларациях саммитов БРИКС, а с другой – круг стран, привлекаемых к работе объединения после того, как формат «БРИКС плюс» начал использоваться на практике.

Наряду с итоговыми документами саммитов, анализируются актуальные публикации средств массовой информации стран БРИКС и других государств.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Оформившись в 2009 году, объединение БРИК, а впоследствии БРИКС, поначалу имело задачей отнюдь не глобальные планы сотрудничества на уровне целых регионов, а лишь координацию усилий государств блока по борьбе с глобальными проблемами современности, сотрудничество в различных сферах и выработку общей линии в реформе международных финансовых институтов. Если посмотреть совместные заявления глав государств БРИК по итогам первого (в Екатеринбурге в 2009 году)⁴ и второго (в Бразилиа в 2010 году)⁵ саммитов, то ни в одном из них ничего похожего на приглашение других государств к диалогу и тем более на формат «БРИКС плюс» нет.

Однако в Декларации БРИКС по итогам саммита 2011 года в китайском городе Санья риторика радикально меняется: во-первых, появляются претензии на «создание более равноправного и справедливого мира» (что это, не расшифровывается, но в любом случае это заявка на изменение мирового порядка); во-вторых, декларация изобилует пассажирами про «общее процветание» и «общее развитие», хотя, с точки зрения здравого смысла, унифицировать и объединить траектории развития даже только стран БРИКС невозможно, развитие у каждой свое, индивидуальное; в-третьих, Китай, как хозяин саммита, не желая портить отношения с Западом, специально оговорил, что сотрудничество государств БРИКС «не направлено против какой-либо третьей стороны»; и, наконец, появляется совершенно новая тема: «Мы открыты к наращиванию взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС, в особенности со странами с формирующейся рыночной экономикой и развивающимися странами, а также соответствующими международными и региональными организациями»⁶.

Таким образом, Китай заложил тенденцию к расширению платформы взаимодействия БРИКС и подключению к ней других стран из регионов, представленных странами-участницами. Это можно объяснить одним – стремлением к превращению БРИКС не в геополитический блок, чему бы, возможно,

⁴ Совместное заявление лидеров стран БРИК [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2009. 16 июня. URL: <http://kremlin.ru/supplement/209> (дата обращения: 22.10.2018).

⁵ Совместное заявление глав государств и правительств стран – участниц Второго саммита БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2010. 15 апр. URL: <http://kremlin.ru/supplement/524> (дата обращения: 22.10.2018).

⁶ Декларация, принятая по итогам саммита БРИКС (г. Санья, о. Хайнань, Китай, 14 апреля 2011 года) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2011. 14 апр. URL: <http://kremlin.ru/supplement/907> (дата обращения: 22.10.2018).

была рада российской сторона; не в интеграционную структуру мощных региональных держав, готовую выступать единым фронтом в международных делах, а в еще одну площадку взаимодействия со странами «глобального Юга», которые могут выступать объектом, прежде всего, китайской экономической политики.

С тех пор положение о возможности связей БРИКС с другими странами перемещается из декларации в декларацию. Один из пунктов Делийской декларации БРИКС 2012 года гласит: «Мы готовы, на основе общепризнанных норм международного права и многостороннего подхода к принятию решений, сотрудничать с другими странами, как развитыми, так и развивающимися, в целях решения проблем, с которыми сталкивается современный мир, и использования возможностей, которые перед ним открываются. Повышению эффективности усилий институтов глобального управления по достижению этой цели будет способствовать расширение представительства в них стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран»⁷.

В Этеквинской декларации 2013 года положение несколько конкретизируется: «Мы открыты к наращиванию нашего взаимодействия и сотрудничества с государствами, не входящими в БРИКС, в особенности со странами с формирующейся рыночной экономикой и развивающимися странами, а также соответствующими международными и региональными организациями, как предусмотрено Декларацией Санья. После саммита БРИКС мы проведем Форум диалога с африканскими лидерами по теме «Раскрывая потенциал Африки: сотрудничество БРИКС и Африки в сфере инфраструктуры». Данный Форум представляет лидерам стран БРИКС и Африки возможность обсудить пути укрепления сотрудничества между государствами БРИКС и Африканским континентом»⁸. Мы видим, что участники БРИКС поняли инициативу Китая по-своему, ЮАР запланировала расширение связей со странами своего региона, утверждая таким образом, возможно, свое лидерство в нем и представительство от имени региона в международных объединениях.

Это прослеживается и в Декларации 2014 года, принятой на саммите в бразильской Форталезе: в ней зафиксировано положение об «открытости для более широкого взаимодействия с другими странами, в том числе развивающимися странами и странами с формирующейся рыночной экономикой, а также с международными и региональными организациями, в целях укрепления сотрудничества и солидарности в контексте наших отношений со всеми странами и народами». Далее выражается готовность «провести совместное заседание с руководителями стран Южной Америки по теме шестого саммита БРИКС в целях развития сотрудничества между БРИКС и Южной Америкой», поскольку «расширение диалога между БРИКС и странами Южной Америки может сыграть активную роль в укреплении принципа многосторонности и международного сотрудничества в интересах мира, безопасности, экономического и социального прогресса и устойчивого

⁷ Делийская декларация [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2012. 29 марта. URL: <http://kremlin.ru/supplement/1189> (дата обращения: 20.10.2018).

⁸ Этеквинская декларация [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2013. 27 марта. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1430 (дата обращения: 02.04.2013).

развития в условиях взаимозависимого и все более усложняющегося, глобализирующегося мира»⁹. Нетрудно заключить, что хозяйка саммита – Бразилия – подобными шагами вполне могла демонстрировать свое лидерство в Латиноамериканском регионе.

Нечто подобное попыталась реализовать Россия в 2015 году, однако технически эти два примера трудно соотнести, поскольку в Уфе наряду с саммитом БРИКС проводилось не дополнительное мероприятие в рамках БРИКС, а самостоятельный саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В Уфимской декларации отмечено: «С целью закрепить нашу линию на развитие связей БРИКС с государствами, не входящими в это объединение, в особенности с развивающимися странами и странами с формирующимися рынками, а также с международными и региональными структурами, мы проведем отдельную встречу с главами государств и правительств стран, входящих в Евразийский экономический союз и Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), а также с руководителями государств-наблюдателей в ШОС. Перед участниками этой встречи стоит немало вопросов, представляющих общий интерес. Это создает прочную основу для развертывания широкого взаимовыгодного диалога. Все мы твердо привержены целям и принципам Устава ООН и международного права, стремимся обеспечить устойчивый экономический рост через международное сотрудничество и активное использование механизмов региональной интеграции в интересах повышения благосостояния народов наших стран»¹⁰.

Если ранее необходимость взаимодействия с не входящими в БРИКС странами и с целым регионом лишь оговаривалась применительно к отдельному мероприятию, то в 2015 году присутствие расширенного состава участников было обеспечено естественным образом, поскольку саммиты ШОС и БРИКС проходили в одно время и в одном городе. Аналогичная ситуация произошла в 2016 году, когда в рамках саммита БРИКС в Гоа прошла встреча представителей стран возглавляемого Индией объединения «Инициатива Бенгальского залива для многосекторного технического и экономического сотрудничества» (БИМСТЭК). Присутствовали такие не входящие в БРИКС государства, как Бангладеш, Бутан, Мьянма, Непал, Шри-Ланка и Таиланд¹¹. Название «БРИКС плюс» тогда, заметим, еще не использовалось.

Приглашая страны БИМСТЭК на саммит 2017 года, принимающее и председательствующее государство – Индия – могло руководствоваться целью подчеркнуть свой вес в региональных организациях и в целом в странах «глобального Юга». БИМСТЭК является одним из ключевых и реально действующих направлений работы индийской стороны по налаживанию

⁹ *Форталезская декларация* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Минобрнауки РФ. 2015. 2 апр. URL: <http://минобрнауки.рф/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/5364> (дата обращения: 13.09.2015).

¹⁰ *Уфимская декларация* [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. 2015. 9 июля. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/YukPLgicg4mqAQIy7JRB1HgePZrMP2w5.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).

¹¹ *Премьер-министр Бангладеш планирует принять участие в саммите БРИКС в Гоа* [Электронный ресурс] // РИА-Новости. 2016. 29 авг. URL: <https://ria.ru/world/20160829/1475535978.html> (дата обращения: 20.10.2018).

регионального сотрудничества в Южной Азии в экономической сфере¹². Также это объединение можно считать инструментом геополитического соперничества Индии с Китаем в АТР.

А вот в 2017 году не входящие в БРИКС страны были приглашены непосредственно на саммит объединения в китайском Сямэне. Ими стали Египет, Гвинея, Мексика, Таджикистан и Таиланд. Примечательно, что на этот раз выбор государств для приглашения на встречу в расширенном формате не имел абсолютно никакой привязки ни к региону принимающей страны (КНР) – Восточной Азии, ни к региональным организациям «глобального Юга». Казалось бы, Китай мог на правах лидера Восточной Азии позвать на эту встречу, к примеру, Южную Корею, Вьетнам, Монголию и т. д., чтобы продвигать в своем регионе изначальные ценности БРИКС – отстаивание многополярности мира, право каждой страны на выбор индивидуального пути экономического развития, увеличение веса региональных держав в международных финансовых организациях и т. д. Но этого не произошло. Как не произошло и приглашения лидеров АСЕАН и других региональных организаций, например Форума Тихоокеанских островов. К неформальным лидерам среди стран «глобального Юга» можно отнести только Египет (традиционно много лет возглавляющий в ООН Группу арабских государств) и Мексику (состоящую в Североамериканском соглашении о свободной торговле, Организации американских государств, Карибском сообществе и т. д.), но никак не беднейшие Таджикистан (РТ) и Гвинею. Таиланд, хотя и занимает значимое место в геополитической архитектуре Юго-Восточной Азии, региональным лидером также назвать нельзя, поскольку его построенная в основном на сфере услуг экономика вряд ли может соперничать с вьетнамской или индонезийской.

Почему выбор Китая был именно таким, на тот момент не понял никто. Российские СМИ писали, что, «как правило, страны, принимающие у себя саммит, в качестве гостей и наблюдателей приглашают своих региональных соседей, однако Китай на этот раз пошел по новому пути», и гадали, «желает ли Пекин привлечь в свою орбиту важных экономических партнеров или расширить политическое пространство самого БРИКС»¹³.

Пять стран «БРИКС плюс» 2017 года объединяет один очевидный признак – во всех экономическая ситуация далека от идеальной. И, пожалуй, наиболее важным объединяющим звеном является то, что все они – крупные заемщики китайских кредитов. Если говорить о Таджикистане, то после многочисленных кредитов, полученных им от КНР в течение двух последних десятилетий, назвать итоговую точную сумму долга не берется никто, но известны оценки, согласно которым на Китай приходится более 50 % всего внешнего долга (!) Республики Таджикистан. При этом снабжение Пекином

¹² См., например: В Катманду завершился четвертый саммит БИМСТЭК [Электронный ресурс] // Regnum. 2018. 2 сент. URL: <https://regnum.ru/news/2474086.html> (дата обращения: 20.10.2018).

¹³ *Китай* расширяет границы БРИКС [Электронный ресурс] // Вести. 2017. 28 авг. URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2925965> (дата обращения: 28.08.2017).

центрально-азиатской страны кредитами продолжается¹⁴. Для того чтобы вернуть старые кредиты, Таджикистан будет вынужден брать новые: в итоге сформировалась своеобразная финансовая ловушка.

Гвинея в 2017 году заключила с КНР соглашение о получении кредита в 20 млрд. дол. сроком на 20 лет в обмен на концессии по добыче бокситов. КНР планирует построить в этой стране глиноземный завод компании “China Power Investment Corp” и разрабатывать силами Алюминиевой корпорации Китая (Chalco) бокситовый рудник. Помимо этого, кредит покроеет строительство дорог, расширение порта Конакри, линий электропередачи и т. д. Примечательно, что сама Гвинея доходов не получит: министр шахт этой страны А. Магассуба признал, что «доходы, которые будут генерировать эти проекты, пойдут на возмещение по кредитам»¹⁵.

Египет еще в 2016 году заключил с КНР соглашение о получении кредита в 700 млн. дол. для финансирования инфраструктурных проектов. Долг африканская страна обязалась погасить в течение 8 лет¹⁶. Имеются также многомиллионные долги по кредитам, взятым египетской стороной у КНР в ходе китайско-египетского сотрудничества в предыдущие годы (Бокерия и Шао, 2014).

Мексика получила от Китая кредит в 1 млрд дол. в 2013 году и, фактически, в обмен на это открыла для китайских вложений свой энергетический сектор¹⁷. В 2016 году страна продала Китаю два из восьми своих глубоководных нефтегазовых месторождений в Мексиканском заливе¹⁸.

С Таиландом Китай в декабре 2014 года подписал меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в развитии транспортной инфраструктуры Таиланда на 2015–2022 годы. Спустя девять раундов переговоров началось строительство скоростной железной дороги между странами¹⁹. Разумеется, это не были «инвестиции в чистое поле» или благотворительность: проект будет осуществляться на средства китайского же кредита, причем его точная сумма и условия не раскрываются²⁰. Таким образом, Китай выигрывает

¹⁴ Чоршанбиев П. Что мы будем должны Китаю за безвозмездные миллионы? [Электронный ресурс] // News.tj. 2017. 6 авг. URL: <http://news.tj/news/tajikistan/economic/20170806/chto-mi-budem-dolzhni-kitayu-za-bezvozmezdnie-millioni> (дата обращения: 08.05.2018).

¹⁵ Китай предоставит Гвинею \$ 20 млрд на добычу алюминиевой руды [Электронный ресурс] // Metals Expert.com. 2017. 7 сент. URL: <https://metals-expert.com/news/business/320.html> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁶ Китай предоставил Египту ссуду в размере 700 млн долларов [Электронный ресурс] // Oriental Express. 2016. 5 марта. URL: <http://orientalexpress.info/news/egyptianchin> (дата обращения: 17.10.2018).

¹⁷ Chinese role expected in Mexico's energy reform [Электронный ресурс] // China Daily. 2014. 8 дек. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/world/2014-12/08/content_19039469.htm (дата обращения: 16.10.2018).

¹⁸ China stakes claim in Mexico oil opening at deep water auction [Электронный ресурс] // Reuters. 2016. 6 дек. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mexico-oil-auction-first-idUSKBN13U2I2> (дата обращения: 16.10.2018).

¹⁹ Запущено строительство скоростной железной дороги Китай-Таиланд [Электронный ресурс] // Южный Китай. 2015. 20 дек. URL: <http://south-insight.com/node/217844> (дата обращения: 16.01.2016).

²⁰ Dual-track trains to get China loan [Электронный ресурс] // Bangkok Post. 2014. 12 нояб. URL: <https://www.bangkokpost.com/news/general/442786/dual-track-trains-to-get-china-loan> (дата обращения: 16.10.2018).

трижды, если не четырежды: он увеличивает свое влияние на Таиланд, зарабатывает на процентах по кредиту, вполне может обязать Таиланд пользоваться услугами китайских подрядчиков для оплаты работ по контракту и, наконец, будет иметь все возможности для использования дороги в своих интересах – отправки товаров по маршрутам Морского Шелкового пути.

Для чего же Китаю собирать своих крупных должников из всех регионов мира (Центральной Азии, Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и с Ближнего Востока) на саммите БРИКС? Во-первых, это может быть связано как раз с их долгами Пекину и кризисным состоянием экономики. Такие условия с большой вероятностью могут сделать любое государство более сговорчивым партнером, готовым всецело поддержать любые инициативы КНР на международной арене. Во-вторых, с помощью приглашения стран на саммит БРИКС Пекин способен прибавить себе дополнительной популярности в соответствующих регионах. В-третьих, нельзя не констатировать, что объективно нуждающиеся в финансах страны этих регионов как нельзя более подходят для кредитной политики Пекина и даже могут стать объектом кредитов Нового банка развития БРИКС. В основополагающем документе, регулирующем его деятельность, – Соглашении о Новом банке развития²¹ – упоминается о возможности принимать в его состав внешних участников и кредитовать их. Правда, подробный регламент²² для этого был выпущен лишь в 2017 году и пока в списке утвержденных проектов для кредитования²³ значатся только те, что осуществляются в пяти странах БРИКС. Но юридическая возможность для привлечения внешних участников в орбиту влияния нового института (штаб-квартира которого, кстати, находится в КНР в Шанхае), тем не менее, заложена.

Кроме России, регулярно списывающей своим заемщикам старые долги, обилия желающих бескорыстно помочь странам «глобального Юга» в мировом сообществе не наблюдается. Сами эти государства свои многочисленные проблемы пока не решили, а значит, на горизонте появляются, занимая нишу финансирования, все новые внешние многосторонние акторы (Европейский банк реконструкции и развития, Азиатский банк развития, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций), готовые предложить свои средства, но при этом как следует подзаработать на чужих экономических сложностях.

Примечательно, что новый термин – «формат “БРИКС плюс”» – был введен в оборот тоже на саммите в Сямэне. Самой китайской стороной нововведение было охарактеризовано как «диалог между странами с формирующимся рынком и развивающимися странами». Как заявил председатель КНР Си Цзиньпин, стороны договорились углублять сотрудничество по линии «Юг–Юг» и «строить партнерство в широком спектре сфер»²⁴.

²¹ *Agreement on the New Development Bank* [Электронный ресурс] // NDB official website. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/themes/ndb/pdf/Agreement-on-the-New-Development-Bank.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).

²² *Terms, conditions and procedures for the admission of new members to the New Development Bank* [Электронный ресурс] // NDB official website. 2017. URL: <https://www.ndb.int/wp-content/uploads/2017/06/Terms-Conditions-and-Procedures1.pdf> (дата обращения: 12.11.2018).

²³ *List of all projects* [Электронный ресурс] // NDB official website. URL: <https://www.ndb.int/projects/list-of-all-projects/> (дата обращения: 13.11.2018).

²⁴ *Си Цзиньпин: руководители стран «БРИКС плюс» договорились об углублении сотрудничества Юг–Юг* [Электронный ресурс] // Синьхуа. 2017. 5 сент. URL: http://russian.news.cn/2017-09/05/c_136585737.htm (дата обращения: 15.10.2017).

Получается, что Китай, став снова председателем БРИКС, наконец получил возможность на практике реализовать то, что замыслил еще в 2011 году. С одной стороны, может показаться, что ничего серьезного не произошло, но на деле ситуация является действительно новой для БРИКС. Сам «формат “БРИКС плюс”» в его китайском смысле нетипичен. По сравнению с прочтением его другими странами БРИКС, и то, что он был фактически безальтернативно предложен КНР, заставляет задуматься о соотношении влияния участников объединения и их целях в рамках его работы. Чисто протокольная, казалось бы, встреча может иметь большое имиджевое значение для политики Китая в странах глобального Юга. Если просмотреть, например, публикации в СМИ Таджикистана, вышедшие после того саммита, то мы увидим массовое, колоссальное воодушевление относительно роли этой страны в сотрудничестве с БРИКС, возникшее, увы, без реальных к тому предпосылок. Именно таким способом, в данном случае используя БРИКС и превращая это объединение в площадку для реализации собственных интересов, Китай завоевывает влияние в развивающемся мире. Он не списывает долги и не восстанавливает за свой счет целые города, как Россия, не выступает непримиримым борцом за права и «голосом» развивающегося мира, как Индия в Движении неприсоединения, не пытается объединить вокруг себя свой регион в борьбе с бедностью и другими проблемами, как ЮАР и Бразилия. Он проводит четко спланированные имиджевые акции и, судя по всему, целенаправленно формирует зависимость от своего капитала среди развивающихся стран, зависимость, практически ведущую их в долговую яму и лишаящую возможности принимать самостоятельные решения.

Наконец, если говорить о саммите БРИКС 2018 года, то 25–26 июля в Йоханнесбурге (ЮАР) работа формата «БРИКС плюс» была продолжена. Организатор и председатель саммита – ЮАР – пригласила к участию в специальных расширенных встречах Аргентину, председательствующую в G20, а также Египет, Индонезию, Турцию и Ямайку. Выбор стран в этот раз имел простое и включенное в официальные пресс-релизы обоснование: это были государства, возглавляющие различные региональные объединения «глобального Юга». Кроме формата «БРИКС плюс», в ЮАР апробировали новый формат «БРИКС-аутрич», в который было перемещено взаимодействие глав государств БРИКС с их коллегами из региона страны-председателя саммита. На встречу «БРИКС-аутрич» в Йоханнесбург были приглашены президенты Намибии, Габона, Анголы, Сенегала, Уганды, Того и Руанды

В Йоханнесбург были приглашены президенты Намибии, Габона, Анголы, Сенегала, Уганды, Того и Руанды, последний из которых, Поль Кагаме, в этом году занимает пост председателя Африканского союза. Выбор стран, приглашенных ЮАР на саммит «БРИКС плюс», в этот раз имел простое и включенное в официальные пресс-релизы обоснование: это были государства, возглавляющие различные региональные объединения «глобального Юга»²⁵.

²⁵ *Лидеры* стран БРИКС обсудят четвертую промышленную революцию на юбилейном саммите [Элек-тронный ресурс] // Пульс планеты – Азия ИТАР-ТАСС. 2018. 25 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5400304> (дата обращения: 18.10.2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, формат «БРИКС плюс» является новым инструментом в работе БРИКС, позволяющим этому объединению привлекать к своей работе различные страны «глобального Юга». Отчасти его можно считать китайским проектом в рамках БРИКС, причем замысел его, появившийся еще в 2011 году, был интерпретирован странами-участницами объединения по-разному. Россия, Индия, Бразилия и ЮАР использовали возможность нового формата работы для упрочения своего авторитета как региональных держав, а также для расширения влияния БРИКС, продвижения ценностей этого объединения вовне и развития его сотрудничества с регионами и со странами-лидерами «глобального Юга» с целью обсуждения вариантов решения региональных проблем. Китай с помощью «БРИКС плюс» открыл еще одну площадку для обсуждения текущих вопросов с зависящими конкретно от него государствами. Нельзя не отметить и возможность в будущем отстаивания этими странами интересов КНР в тех региональных структурах, в которых они состоят, пусть даже и не на первых ролях. Это отвечает китайскому стремлению к глобальному управлению и созданию «сообщества единой судьбы» (Мокрецкий, 2018).

Такая картина согласуется с тенденцией расхождения приоритетов участников БРИКС в целом. Так, если, например, для России объективно важно было бы получить от других стран-участниц политическую поддержку ее позиции и инициатив на международной арене в нынешней сложной политической и экономической ситуации, то Китай, наоборот, не демонстрируя желания увеличить степень взаимодействия с другими странами в политических вопросах и сфере безопасности, специально оговаривает, что сотрудничество БРИКС не направлено против каких-либо третьих сторон²⁶, и заинтересован в использовании БРИКС для выстраивания своего варианта глобального управления²⁷, экономической глобализации мира и «борьбы с торговым протекционизмом»²⁸. Другие участники БРИКС также пытаются использовать объединение в своих интересах. При экономическом доминировании КНР БРИКС в этой ситуации может стать не альтернативным глобальному Западу объединением, а встроиться в существующий мировой порядок с целью замещения места мирового лидера Китаем. Возникает вопрос: не потеряются ли на фоне множащихся диалоговых форматов и изменяющихся приоритетов первоначальные задачи и первоначальный смысл существования БРИКС?

Что все это значит для России? Наверное, признав появление новых инструментов в рамках БРИКС, нужно ими активно пользоваться. Нашей стране на таком фоне следовало бы больше развивать (что уже делается, но могло бы совершенствоваться) свои собственные форматы взаимодействия

²⁶ *Сотрудничество между странами БРИКС не направлено на третью сторону – МИД КНР* [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. 2017. 5 сент. URL: http://russian.news.cn/2017-09/05/c_136586529.htm (дата обращения: 15.10.2017).

²⁷ *Член Политбюро ЦК КПК Ян Цзечи призвал страны БРИКС к сотрудничеству в сфере глобального управления* [Электронный ресурс] // Жэньминь жибао онлайн. 2018. 2 июля. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0702/c31520-9476652.html> (дата обращения: 02.07.2018).

²⁸ *Член Госсовета КНР: формат БРИКС стал важным фактором развития мировой экономики* [Электронный ресурс] // ТАСС. 2017. 23 февр. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4047309> (дата обращения: 25.11.2017).

с дружественными, партнерскими регионами (в первую очередь с исторически близкой ей Центральной Азией) и строить гибкую политику с использованием Евразийского банка развития, институтов мягкой силы и поддержкой важных социальных проектов в многовекторном сотрудничестве с регионами мира.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00236 «Многообразие модерности в современном глобальном мироустройстве: роль стран БРИКС и Глобального Юга».

Библиографический список

Бокерия С. А., Шао Д. Взаимодействие Китая и Египта в контексте событий «Арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2014. № 3. С. 75–84.

Вань Ц. Роль БРИКС в глобальном управлении и трансформации мирового порядка: китайский взгляд // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 48. С. 273–286.

Колдунова Е. В. Роль стран БРИКС в глобальном управлении // Сравнительная политика. 2014. Т. 5, № 1. С. 60–64.

Лагутина М. Л. Россия и Китай в БРИКС: общее видение будущего мирового порядка // Россия и Китай: на пути укрепления двустороннего сотрудничества: материалы II Междунар. научн.-практ. конф. / Под ред. В. А. Гавриловой. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. С. 91–96.

Лексютина Я. В. Лидерство в БРИКС: прогнозы и реалии // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 5. С. 25–33. DOI: 10.20542/0131-2227-2017- 61-5-25-33.

Михайленко Е. Б. Альтернативный регионализм БРИКС // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2016. Т. 155, № 11. С. 194–206.

Мокрецкий А. Ч. О китайской самобытной дипломатии великой державы в «новую эпоху» // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы: тезисы докладов XXIII Междунар. научн. конф. / Под рук. А. В. Островского. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 110–112.

Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / Под рук. С. Г. Лузянина, Х. Чжао. М.: НП РСМД, 2016. 93 с.

Толорая Г. Д., Чуков Р. С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11, № 2. С. 97–112.

Торопчин Г. В. От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017. Т. 12, № 1. С. 174–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-174.

Фэн Ш. Предпосылки и перспективы развития внешних стратегий Китая в новом веке. М.: Валдайский клуб, 2015. 16 с.

Arora A., Kalsie A. Impact of US Financial Crisis on GDP of BRICS Economies: An Analysis Using Panel Data Approach // *Global Business Review*. 2018. Vol. 19, № 2. P. 439–454. DOI: 10.1177/0972150917713509.

Adewale A. Import Substitution Industrialisation and Economic Growth – Evidence from the Group of BRICS Countries // *Future Business Journal*. 2017. Vol. 3, № 2. P. 138–158. DOI: 10.1016/j.fbj.2017.06.001.

Bonga-Bonga L. Assessing the Readiness of the BRICS Grouping for Mutually Beneficial Financial Integration // *Review of Development Economics*. 2017. Vol. 21, № 4. P. 204–219. DOI: 10.1111/rode.12324.

Borges M. BRICS and Higher Education: Possible Issues and Convergences? // *Revista Iberoamericana de Educacion*. 2018. Vol. 76, № 1. P. 39–56.

Gomes G. Z., Esteves P. The BRICS Effect: South–South Cooperation in the Social Field of International Development Cooperation // *IDS Bulletin*. 2018. Vol. 49, № 3. P. 129–144. DOI: 10.19088/1968-2018.152.

Gu J., Renwick N., Xue L. The BRICS and Africa's Search for Green Growth, Clean Energy and Sustainable Development // *Energy Policy*. 2018. Vol. 120. P. 675–683. DOI: 10.1016/j.enpol.2018.05.028.

Liu X., Zhang S., Bae J. The Nexus of Renewable Energy-Agriculture-Environment in BRICS // *Applied Energy*. 2017. Vol. 204. P. 489–496. DOI: 10.1016/j.apenergy.2017.07.077.

Martini S. R., Wunsch M. S. International Cooperation and the Achievement of the Right to Health: an Analysis of the BRICS Agenda // *Journal of Health Law*. 2017. Vol. 18, № 2. P. 39–61. DOI: 10.11606/issn.2316-9044.v18i2p39-61.

Naresh G. et al. Spillover Effect of US Dollar on the Stock Indices of BRICS // *Research in International Business and Finance*. 2018. Vol. 44. P. 359–368. DOI: 10.1016/j.ribaf.2017.07.105.

Vadra R. Knowledge Economy in BRICS: a Case of South Africa // *Journal of the Knowledge Economy*. 2017. Vol. 8, № 4. P. 1229–1240. DOI: 10.1007/s13132-017-0512-y.

Wang Zh. et al. The Moderating Role of Corruption Between Economic Growth and CO2 Emissions: Evidence from BRICS Economies // *Energy*. 2018. Vol. 148. P. 506–513. DOI: 10.1016/j.energy.2018.01.167.

Zavyalova N. BRICS Money Talks: Comparative Socio-Cultural Communicative Taxonomy of the New Development Bank // *Research in International Business and Finance*. 2017. Vol. 39. P. 248–266. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.07.039>.

Информация об авторе

Муратшина Ксения Геннадьевна – канд ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина», 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

ORCID: 0000-0001-7952-6299

ResearcherID: N-5345-2016

Электронный адрес: ksenia.muratshina@urfu.ru

Статья получена 30 ноября 2018 года

UDC 327.7+327(51)+330(51)+330(7/8=134)+330(6)
DOI: 10.17072/2218-9173-2019-1-135-150

“BRICS PLUS” FORMAT: BACKGROUND, INSTITUTIONALISATION TRAJECTORIES AND REGIONAL SPECIFIC FEATURES

Ksenia G. Muratshina

Ural Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
19 Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia
ORCID: 0000-0001-7952-6299
ResearcherID: N-5345-2016
E-mail: ksenia.muratshina@urfu.ru

For citation:

Muratshina, K. G. (2019), “BRICS Plus” Format: Background, Institutionalisation Trajectories and Regional Specific Features”, *Ars Administrandi*, vol. 11, no. 1, pp. 135–150, doi: 10.17072/2218-9173-2019-1-135-150.

Introduction. BRICS has become a significant multilateral entity in the international system. Participation in it and cooperation with its member-states are an essential component of Russia’s foreign policy. BRICS is evolving, new work formats are being introduced, as well as new trends in cooperation and member-states’ policy courses. This paper is aimed at the analysis of a new BRICS format, “BRICS plus”, introduced in 2017.

Aims. Analysis of the origin, specific features and purposes of “BRICS plus” format in its interaction with different regions of the world.

Methods. Comparative analysis, discourse analysis of diplomatic documents and historical-genetic approach.

Results. The research reveals that, although “BRICS plus” format was officially institutionalized in 2017, the prerequisites for its launch had been formed as far as 2011. In addition, the incentive to shift the BRICS focus to the external communication had been put forward by an individual member-state – the People’s Republic of China. The new format – “BRICS plus” is aimed at BRICS interaction with the regions of the world – Central Asia, Latin America, Africa. However, this format is interpreted by the BRICS member-states differently.

Conclusion. Although new formats of cooperation and the development of external communication is normal for an international entity, the divergence of approaches to utilizing the new opportunities displays serious discrepancies of the member-states’ views on the perspectives and priorities of BRICS and reveals the fact of prioritizing personal interest while using common framework.

Keywords. BRISC; regions of the world; economic cooperation; “BRICS plus”; China; Central Asia; Latin America; Africa

ACKNOWLEDGEMENTS

The research has been funded by Russian Science Foundation grant, project no. 18-18-00236 “Diverse modernity in contemporary global world order: the role of BRICS countries and the Global South”.

References

Bokeriya, S. A. and Shao, D. (2014), “Interaction of China and Egypt in the Context of the Events of “Arab Spring”, *Vestnik RUDN. International Relations*, no. 3, pp. 75–84.

Wan, Q. (2015), “The Role of BRICS in Global Governance and Transformation of the World Order: the Chinese view”, *Public Administration E-Journal*, no. 48, pp. 273–286.

Koldunova, E. V. (2014), “The Role of BRICS in Global Governance”, *Comparative Politics*, vol. 5, no. 1, pp. 60–64.

Lagutina, M. L. (2017), “Russia and China in BRICS: Common Vision of Future World Order”, in Gavrilova, V. A. (ed.), *Rossiya i Kitai: na puti ukrepleniya dvustoronnego sotrudnichestva; materialy II mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Russia and China: on the Way of Strengthening Bilateral Cooperation: proceedings of the II international scientific and practical conference], Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, pp. 91–96.

Leksyutina, Ya. V. (2017), “Leadership in BRICS: Forecasts and Reality”, *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 5, pp. 25–33, doi: 10.20542/0131-2227-2017- 61-5-25-33.

Mikhaylenko, E. B. (2016), “BRICS” Alternative Regionalism”, *Izvestia of Ural Federal University Journal. Series 37. Social and Political Sciences*, vol. 155, no. 11, pp. 194–206.

Mokretskii, A. C. (2018), “About China’s Specific Diplomacy of a Great Power in the “New Epoch”, in Ostrovskii, A. V. (ed.), *Tezisy dokladov XXIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii “Kitai, kitaiskaya tsivilizatsiya i mir. Istoriya, sovremennost’, perspektivy* [Proceedings of the XXIII international scientific conference “China, Chinese Civilisation and the World. History, Modernity, Perspectives”], Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (IFES RAS), Moscow, Russia, pp. 110–112.

Lusianin, S. G. and Zhao, Kh. (ed.) (2016), *Rossiisko-kitaiskii dialog: model’ 2016: doklad № 25/2016* [Russia–China dialog: the 2016 model: the report no. 25/2016], Russian International Affairs Council (RIAC), Moscow, Russia.

Toloraya, G. D. and Chukov, R. S. (2016), “BRICS to be considered?”, *International Organisations Research Journal*, vol. 11, no. 2, pp. 97–112.

Torophin, G. V. (2017), “From Goa to Xiamen. On Some Aspects of Political Cooperation within BRICS”, *International Organisations Research Journal*, vol. 12, no. 1, pp. 174–188, doi: 10.17323/1996-7845-2017-01-174.

Feng, S. (2015), *Predposylki i perspektivy razvitiya vneshnikh strategii Kitaya v novom veke* [Background and Perspectives of China’s External Strategies in the New Century], Valdai Club, Moscow, Russia.

Arora, A. and Kalsie, A. (2018), “Impact of US Financial Crisis on GDP of BRICS Economies: An Analysis Using Panel Data Approach”, *Global Business Review*, vol. 19, no. 2, pp. 439–454, doi: 10.1177/0972150917713509.

Adewale, A. (2017), "Import Substitution Industrialisation and Economic Growth – Evidence from the Group of BRICS Countries", *Future Business Journal*, vol. 3, no. 2, pp. 138–158, doi: 10.1016/j.fbj.2017.06.001.

Bonga-Bonga, L. (2017), "Assessing the Readiness of the BRICS Grouping for Mutually Beneficial Financial Integration", *Review of Development Economics*, vol. 21, no. 4, pp. 204–219, doi: 10.1111/rode.12324.

Borges, M. (2018), "BRICS and Higher Education: Possible Issues and Convergences?", *Revista Iberoamericana de Educacion*, vol. 76, no. 1, pp. 39–56.

Gomes, G. Z. and Esteves, P. (2018), "The BRICS Effect: South–South Cooperation in the Social Field of International Development Cooperation", *IDS Bulletin*, vol. 49, no. 3, pp. 129–144, doi: 10.19088/1968-2018.152.

Gu, J., Renwick, N. and Xue, L. (2018), "The BRICS and Africa's Search for Green Growth, Clean Energy and Sustainable Development", *Energy Policy*, vol. 120, pp. 675–683, doi: 10.1016/j.enpol.2018.05.028.

Liu, X., Zhang, S. and Bae, J. (2017), "The Nexus of Renewable Energy-Agriculture-Environment in BRICS", *Applied Energy*, vol. 204, pp. 489–496, doi: 10.1016/j.apenergy.2017.07.077.

Martini, S. R. and Wunsch, M. S. (2017), "International Cooperation and the Achievement of the Right to Health: an Analysis of the BRICS Agenda", *Journal of Health Law*, vol. 18, no. 2, pp. 39–61, doi: 10.11606/issn.2316-9044.v18i2p39-61.

Naresh, G. et al. (2018), "Spillover Effect of US dollar on the Stock Indices of BRICS", *Research in International Business and Finance*, vol. 44, pp. 359–368, doi: 10.1016/j.ribaf.2017.07.105.

Vadra, R. (2017), "Knowledge Economy in BRICS: a Case of South Africa", *Journal of the Knowledge Economy*, vol. 8, no. 4, pp. 1229–1240, doi: 10.1007/s13132-017-0512-y.

Wang, Zh. et al. (2018), "The Moderating Role of Corruption between Economic Growth and CO2 Emissions: Evidence from BRICS economies", *Energy*, vol. 148, pp. 506–513, doi: 10.1016/j.energy.2018.01.167.

Zavyalova, N. (2017), "BRICS Money Talks: Comparative Socio-Cultural Communicative Taxonomy of the New Development Bank", *Research in International Business and Finance*, vol. 39, pp. 248–266, doi: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ribaf.2016.07.039>.

Received November 30, 2018